

Орловский Сергей Николаевич

**Революционная законность и
Красная Армия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
С32

С32 **Сергей Николаевич О.**
Революционная законность и Красная Армия / Орловский Сергей Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 75 с.

ISBN 978-5-521-26578-7

ISBN 978-5-521-26578-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

о соответствии его справедливости, разрушить химеру о внеклассовом праве, одинаково относящемся и к эксплуататорам и к эксплуатируемым.

Для господствующего меньшинства всякая революция, а тем более пролетарская, является величайшим беззаконием. Для помещичьего режима Франции в XVIII веке, для режима военной диктатуры торгового капитала в России Великая французская революция и мартовская революция 1917 года стояли вне закона, ибо в них третье сословие — мелкая буржуазия — пробивало себе путь к власти, сбрасывая феодализм. Для российской буржуазии и ее идеологов, мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков, надвигавшаяся волна пролетарской революции также была беззаконием, анархией, ибо на смену буржуазному строю она несла новую структуру государства и общества. Октябрьская революция 1917 года, идя под лозунгами и управлением единственной, подлинно революционной партии большевиков, свергнула власть правящего меньшинства, разбила старый государственный аппарат этого меньшинства, объявила лишенными силы его законы. Она создала новый тип государства, являющего собой прообраз государства-коммуны, государство диктатуры пролетариата, государство, организованное в советской форме правления. Под гул восстания угнетенных пролетарская революция написала величайшие законы угнетенных, законы о земле и мире.

Октябрьская революция, выведшая трудящиеся массы на дорогу к коммунизму, сделалась величайшим источником права восходящего класса, *права как системы норм, отражающих порядок общественных отношений на переходный от капитализма к коммунизму период, соответствующих интересам господствующего большинства (рабочих и крестьян) и охраняемых организованной силой этого большинства.* Если, с точки зрения господствующего меньшинства, пролетарская революция незаконна, ибо она совершается не на основании, законном для этого меньшинства, а вопреки ему, ибо она сваливает это меньшинство и подавляет последующее его сопротивление, если она незаконна именно потому, что она делается на основе классовой борьбы и восстания угнетенных, — то она является законной в том смысле, что „на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества вступают в противоречия с существующими в этом обществе производственными отношениями или, выражая то же самое юридическим языком, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из форм, содействовавших развитию производительных сил, эти отношения превращаются в пре-

пятствие для их развития. Тогда наступает эпоха социальной революции“¹⁾).

Идя через проливы и отливы, через победы и поражения, маневрируя резервами в классовой борьбе, пролетарская революция делается экономически необходимой и исторически неизбежной, когда противоречия экономики, переходя из количества в качество, готовят почву для приступа на твердыни капитализма. В создавшейся обстановке непосредственной революционной ситуации, неизбежное и необходимейшее революционное насилие играет роль повивальной бабки готового к родам нового общества. Решительным ударом, тараня скорлупу капиталистического общества, пролетарская революция разрывает сковывающую оболочку, в которой накапливались ее силы, и закладывает основы нового общества, ведя его к конечным целям. Пролетарская революция в этом смысле законна и неизбежна, ибо она основывается на историческом праве угнетенных на восстание против угнетателей. Право на революцию есть историческое право угнетенных.

Право и закон

Буржуазная революция тем и отличается от пролетарской, что она, передавая власть в руки буржуазии, оставляет неприкосновенным государственный аппарат свергнутого первого сословия, слегка реформируя его, подкрашивая его в розовый цвет. Демократия и так-называемые демократические принципы — свободы всех рангов (печати, слова, собраний) — делаются демократией для себя, свободами для пришедшего к власти класса. Российская буржуазия в дни марта 1917 года по примеру 1905 г. пыталась устами своего вождя — Родзянко договориться с царизмом ради его спасения, разделив с ним власть. Под давлением масс царизм был свергнут. Став у власти, буржуазия оставила в неприкосновенности аппарат государственной машины и в нем важнейшие механизмы — царскую армию, царский суд и прокуратуру. Попрежнему царские законы, отражавшие в зеркалах под царским двухглавым орлом интересы правящего класса, остались в силе почти без каких бы то ни было изменений.

В те дни, при звуках одобрения или, в лучшем случае, сочувственного молчания официальной науки о праве и ее „либеральных“ представителей (теперь, кстати сказать, следавшихся решительными и принципиальными противниками

¹⁾ Карл Маркс — „Критика политической экономии“.

~~~~~

смертной казни). Временное правительство только и сделало, что заменило текст ст. 100 Уголовного уложения декларацией о срочной и бессрочной каторге за посягательство на изменение государственного строя и перед печальной памятью 18 июня издало закон о применении военными судами смертной казни на фронте для солдат, не желающих идти в бой за интересы мировой и отечественной буржуазии. Кстати указать и на то, что в течение шести месяцев правительство ставшей у власти буржуазии так и не могло найти наименование для государственного строя своего государства. Только в начале сентября оно объявило об учреждении Российской республики. Преступная роль социал-предателей всех мастей и рангов от энесов (народные социалисты) до меньшевиков включительно сводилась к оправданию этой „подлинной демократии“, к одурманиванию масс революционностью этого, с позволения сказать, правительства, к призыву к поддержке его и доверию к нему, к травле инакодействовавших, т.-е. большевиков, и к аплодированию заявлениям волею Керенского о подавлении „кровью и железом“, обращенным к революционному народу. Здесь еще рельефнее подтвердилось то, что буржуазные законы объявляли справедливым все то, что служило экономическим и политическим интересам буржуазии, и несправедливым и незаконным все то, что им противоречило.

24 ноября 1917 года был СНК принят и опубликован декрет № 1 о суде, который говорил: „Упразднить донные существующие судебные установления, как-то: окружные суды, судебные палаты и правительствующий сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех наименований, упразднить следователей, прокурорский надзор, а равно институт присяжной и частной адвокатуры“. Вместе с этим были отменены старые законы, противоречащие декретам нового правительства и программ-минимум партии с.-д. и с.-р. Последующим декретом о суде № 2, опубликованным 7 марта 1918 г., на смену старому суду был организован Народный суд с двумя заседателями из рабочих и крестьян, действовавший на основе революционного правосознания. Этот суд был судом, разбиравшим все дела (уголовные и гражданские). Он был ответственен перед местным советом, который избирал эти суды; члены суда были сменяемы в любое время.

Посмотрим, как отзывались идеологи буржуазии на эти декреты, фиксирующие принципы Октябрьской революции и уничтожавшие старый суд, старые законы, выросшие на старых экономических отношениях, соответствующие интересам свергнутого класса.

В лагерь поборников мертвого права, старых свергнутых законов, в стан хулителей права революции стали в первых рядах из неприявших октябрьскую революцию все те, кого отменила эта революция — первая пролетарская революция — революция угнетенных. Класс буржуазии был безвластен, но его идеология была еще властна в головах многих. Буря негодования, клеветнические выпады, разговоры о государстве, анархии и т. д. встретили и сопровождали это разрушение старой государственной машины, ломку старого судебного аппарата и сдачу законов свергнутого класса в архив истории. Вот, что осенью 1918 года писал одесский профессор Кузнецов, сидя под защитой белых в Одессе, оккупированной союзниками. Обращаясь к революции и создаваемому праву, он говорил: „перед нами картина государства, где власть в руках группы лиц, которых мы клеймили именем захватчиков, предателей, авантюристов. Государство, государственная организация в этом случае действительно вне нас, наше (т.-е. буржуазное. Авт.) нравственное сознание не связывает нас с этим государством, а наоборот, из него выделяет. Пусть даже это государство издает правовые нормы, с которыми лично мы согласны, и тем не менее мы не можем перебороть чувства несогласия. Откуда оно? Источник несогласия в нас, как носителях общественного должного начала (читай: „буржуазного должного начала“. Авт.). Это начало мешает нам существующую организацию признать своей, а в результате и ее нормы шокируют нас, как нечто общественно-безнравственное, насильническое. Мы не хотим, нравственно не можем принять из рук государства, покоящегося на захватном праве, те нормы, какие мы при иных условиях, при ином государственном строе (наприм., буржуазном. Авт.) приняли бы с распростертыми объятиями. В результате, в силу необходимости мы выполняем механически данные предписания, но душа наша не перестает питать к ним чувства нравственного не расположения, порицания“ ¹⁾). Помимо ненависти к революции, как к источнику Советского права, в писании гр. Кузнецова мы находим призыв к тому саботажу, который был первым жестом со стороны тех, кто не принял революции и ее принципов. Значительно осторожнее, примерно в это же время, дает оценку размаху революции другой профессор — известный в ученых кругах государствовед — профессор Московского университета Н. Н. Алексеев. Оценивая революцию 1917 года как источник анархических начал, как бунт против права, он с пафосом восклицает: „Где символ

¹⁾ Проф. Кузнецов — „Теория права“, вып. I, стр. 36.

~~~~~

веры русской революции? Где ее идеал? Где ее исповедь? В политических планах наших мы не идем далее Руссо. В нашем социализме мы не превзошли Маркса. Своей революционной „исповеди“ мы не написали, и неизвестно, напишем ли. Мы велики размахом, но бедны мыслью, мы не умеем осмыслить наш размах, не сумели осветить его новым общественным сознанием и новой идеологией“¹⁾.

Такова „ученая“ оценка нашей революции со стороны тех классов, которых революция низвергла.

Какое же взаимоотношение существует между правом как системой норм, отражающих порядок общественных отношений, и законами. Что составляет понятие закона? Под законом надлежит понимать норму (правило), устанавливаемую высшей государственной властью в целях регулирования общественного поведения, соответствующую интересам властвующего класса и обязательную для выполнения (или воздержания) всеми гражданами данного государства. Возьмем уголовное законодательство, — в нем объявлен перечень норм, воспрещающих те или другие действия. В законах мы имеем нормы, регулирующие взаимоотношения граждан на основе слагающихся производственных отношений. Октябрьская революция, будучи первоисточником права, свои основные принципы выявляет в законе законов или конституции, устанавливающей формы устройства государственного строя и провозглашающей способы осуществления господства стоящего у власти пролетариата. Эти принципы отражаются в тех или иных, потребных для данного периода, нормах закона. Еще философ Фейербах совершенно правильно отметил основное положение, указав, что первоначально не право зависит от закона, а закон исходит из права. Таким образом, закон играет подчиненную праву роль. Он воплощает правовые принципы в конкретные требования, отмечая в ряде норм типичное в праве. Закон, это — техника права, способ его выражения.

Совершенно ясно, что наши законы, выражая право властвующего класса соответствуют его классовым интересам, обеспечивают тот курс политики, который в интересах класса берется на тот или иной период. Мы не ставим, в отличие от капиталистических государств, закон над обществом, мы не говорим о его незыблемости и неизменяемости. Наоборот, мы указываем на то, что меняются формы производственных отношений и вместе с ними изменяются и законы.* Наш закон, это — тактика пролетариата, подчиняющаяся его стратегии. У нас не общество основывается на

¹⁾ Проф. Н. Н. Алексеев — „Введение в изучение права“, стр. 4.

законе, а закон на обществе. Он, в противовес произволу отдельного индивидуума, является выражением общих интересов и потребностей, вытекающих из данного способа материального производства. В своей речи на Кельнском процессе К. Маркс указывал на то, что не гражданский кодекс Наполеона, изданный французской буржуазией в 1804 г. породил существующее буржуазное общество, а последнее принципы своего классового права отразило в этом кодексе. Из всего сказанного совершенно ясно, что отмена старых законов, выросших на старых общественных отношениях, была совершенно последовательна со стороны нового класса, строящего новое общество. Вместе с этим, поскольку сразу пролетарское государство не может быть построено на социалистических основах, поскольку экономика в своем постепенном продвижении медленно, но неуклонно становится на социалистические рельсы, постольку и производственные отношения в праве и законе фиксируют данное состояние экономики, обеспечивая вращение в социализм остальных форм частного хозяйства. Наша конституция, написанная в 1918 году, фиксирует собой политические формы классовой борьбы и ее результаты, установленные после одержанной пролетарской победы. При таком понимании права совершенно ясно указание К. Маркса на то, что «право ничего не дает, а только санкционирует существующие достижения» („Литературное наследство“ т. II, стр. 342). Революция рождает право победившего класса. Она формулирует программно свои завоевания в виде требований правового характера. Она придает своим притязаниям всеобщую значимость в форме законов. Таким образом, все сказанное сводится к формуле: революция— источник права, право— источник закона.

Закон переходного периода.

Октябрьская революция в первый раз в мире пробила путь к коммунизму. Большевистская партия, под руководством которой пролетариат, при поддержке крестьянства, прошел путь к ноябрю, еще задолго до овладения властью, устами своего вождя Ленина указывала на то, что „одним из коренных вопросов всякой революции является вопрос о власти“. В какой форме Октябрьская революция организовала власть в первом пролетарском государстве? Одной из важнейших заслуг ленинизма является развитие теории диктатуры пролетариата, обоснованной еще Марксом на опыте Парижской коммуны. Эти великие принципы были осуществляемы в конкретной форме в октябре 1917 г. пришедшим к власти пролетариатом. Выводы Маркса развил

Ленин на опыте трех русских революций и он же воплотил их при построении нового типа пролетарского государства, являющего собой прообраз коммуны.

В „Критике Готской программы“ К. Маркс указывал на то, что „между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного преобразования одного в другое. Ему соответствует и политический переходный период, в котором государство не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата“. Что же такое—диктатура пролетариата? «Диктатура пролетариата есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс»¹⁾. „Диктатура пролетариата есть не только *насилие*, но и *руководство* трудящимися массами непролетарских классов, но и *строительство* социалистического хозяйства, высшего по типу, чем хозяйство капиталистическое, с большей производительностью труда, чем хозяйство капиталистическое. Диктатура пролетариата есть: 1) неограниченное законом насилие в отношении капиталистов и помещиков; 2) руководство пролетариата *в отношении крестьянства* и 3) строительство социализма в отношении всего общества. Ни одна из этих трех сторон диктатуры не может быть исключена без ущерба исказить понятия диктатуры пролетариата“ (Н. Сталин. „Вопросы и ответы“, стр. 43. Курсив т. Сталина).

Если диктатура пролетариата есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами²⁾, то у нас возникает основной вопрос: а при чем же тут закон? Какое отношение имеет закон к эпохе диктатуры пролетариата, если эта эпоха сама отрицает какую бы то ни было роль закона? Никто иной, как В. И. Ленин, дал совершенно ясное различие между обычным положением в государстве и состоянием революции. Никто иной, как он, указал: „революция именно тем и отличается от обычного положения дел в государстве, что спорные вопросы государственной жизни решает непосредственно борьба классов и борьба масс вплоть до решительных ее форм,— иначе не может быть, раз массы свободны и вооружены... в конце концов, решает, как известно, вопросы общественной жизни классовая борьба в ее самой резкой, самой острой форме, именно в форме гражданской войны, и в этой войне, как во всякой войне, это также изве-

¹⁾ В. И. Ленин—Собрание сочинений, т. XIV, ч. II.

²⁾ В. И. Ленин—Собрание сочинений т. XIV, ч. II, стр. 25.

стный и никем в принципе не оспариваемый факт, — экономика“¹⁾). В целях уяснения роли закона мы должны выяснить его значение на двух эпохах нашего продвижения к коммунизму: на эпохе военного коммунизма и эпохе новой экономической политики. Что общее в этих эпохах, что связывает их в одну цепь? Общее, это—диктатура пролетариата и ее содержание—классовая борьба. Различие—в тактике проведения диктатуры пролетариата. Тов. Зиновьев указывает на то, что в ленинской постановке вопроса о диктатуре пролетариата можно условно различить два периода: „первый период есть период непосредственной борьбы за власть, непосредственного свержения буржуазии и сламывания ее сопротивления, период непосредственной жестокой гражданской войны с оружием в руках. Второй период есть период борьбы за хозяйственное упрочение пролетарской диктатуры (прежде всего крупная промышленность), период закрепления пролетарского государства, переваривание политического опыта пролетарской революции широчайшими народными массами, период длительного и прочного завоевания на сторону пролетариата широких непролетарских элементов трудящихся, период „мирной и бескровной“ борьбы за упрочение диктатуры пролетариата, период, тоже полный самой напряженной и страстной классовой борьбы, ведущейся лишь в других формах“²⁾).

В первом периоде—военного коммунизма—первое в мире пролетарское государство представляет осажденную врагами революции крепость, отбивавшую атаки отечественной и мировой буржуазии, расправляющуюся жесточайшими мерами с врагами, внутри подготавливающими ее падение (предателями в осажденной крепости). В этом периоде насилие играет роль и в экономике, так как государство—крепость для содержания своего требует жертв от крестьянства. Оно не оставляет ему излишков, запрещая свободу торговли, издавая законы о борьбе со спекуляцией и особенно спекуляцией хлебом (заградительные отряды). Значит ли это, что мы в этом периоде не имеем закона, что в этом периоде царит полнейшее бесправие, что пролетариат—гегемон революции—отказывается от выражения, провозглашения правовых принципов и органов, применяющих закон? Ничуть не бывало! Как уже ранее мы указывали, мы имеем свой суд (народные суды, гражданские и военные трибуналы), мы имеем наши законы, публикуемые в собраниях узаконений Рабоче-Крестьянского Правительства“, наконец,

¹⁾ В. И. Ленин —Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 25.

²⁾ Зиновьев—„Ленинизм“, стр. 183.

мы имеем организованные чрезвычайные следственные комиссии, предназначенные для борьбы с контр-революцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности. Мы даже имеем особый революционный трибунал по делам печати, следящий за идеологическим фронтом. Закон и органы, проводящие его, существовали и в первый период эпохи военного коммунизма, но вся суть в том, что наш суд, руководствуясь революционным правосознанием, был органом расправы против своих классовых врагов: Суд, будучи орудием (и весьма действительным) диктатуры пролетариата, целеустремленною своей был направлен на защиту государства—крепости от ее врагов (внешних и внутренних). В. И. Ленин особое значение придавал закону-декрету в этот период. Тов. Стучка в своей статье „Ленин и революционный декрет“ говорит, что было бы большой ошибкой думать, будто В. И. равнодушно относился к революционным декретам и законам. „Напротив,—пишет тов. Стучка,—я бы скорее констатировал у него (в первое время нашей власти) *чрезмерную веру* в декрет, он сурово бичевал всякое пренебрежительное отношение к декретам новой власти“ (курсив тов. Стучка). Однако, в этот период закон не играл роли основного регулятора общественного поведения, он не был достоянием широчайших масс, он издавался не в системе кодифицированных норм, а лишь по тем или иным отдельным случаям в обеспечение главной задачи обороны Республики. Большое значение в этот период имели постановления, издаваемые органами местной власти, причем зачастую эти постановления предшествовали закону. Наши декреты, говорит тов. Стучка, нам приходилось зачастую повторять и настаивать на их исполнении. Роль права в этот период в значительной мере сводилась к борьбе пролетарского революционного права с буржуазным контр-революционным правом, ибо наше право обнажало контр-революционную сущность внеклассового права буржуазии. То исключительное положение, в котором находилась Республика (состояние гражданской войны), неизбежно ограничивало действие закона. Непосредственное насилие, революционная расправа были основными способами осуществления классовой борьбы.

Перейдем теперь ко второму периоду,—к периоду новой экономической политики. В этот период мы не отступили от командных высот, завоеванных в октябре. Осталась диктатура пролетариата и ее содержание—классовая борьба. В целях использования передышки для накопления резер-

¹ Сборник „Революция права“, № 1.

вов пролетариата, для хозяйственного упрочения его диктатуры классовая борьба проводится в иных, более „мягких“ формах. Пролетариат укрепляет связи с крестьянством, принятая им экономическая политика обеспечивает рост производительных сил в городе и деревне. Эпоха второго периода в области права есть эпоха кодификации норм и регулирования ими общественного поведения. Издается ряд кодексов законов (Уголовный, Гражданский, Земельный и т. д.). Эти законы отражают политику государства и являются выражением создающихся экономических отношений. Наши законы попрежнему соответствуют интересам господствующего большинства, обеспечивая и укрепляя завоевания революции. Наш гражданский кодекс, фиксируя переход от военного коммунизма к товарному хозяйству, устанавливает пределы развития частно-хозяйственных отношений и обеспечивает рост производительных сил страны. Прежде всего, он изымает из частного оборота ряд категорий, указывает на то, что никакие споры по гражданским правоотношениям, возникшим до 7 ноября 1917 года, не должны приниматься к рассмотрению гражданскими судами, он подтверждает запрещение ссылки на законы старых правительств и решения старых судов, воспрещает распространительное толкование статей кодекса, разрешая это толкование в интересах рабочекрестьянского государства и трудящихся масс. В целом же он обеспечивает те права населения, которые государство считает необходимым обеспечить в интересах нашего строительства.

Чрезвычайное положение страны, борющейся за отстаивание власти пролетариата в кровавой непосредственной гражданской войне, ограничивает действие закона, тогда как во второй период закон все более и более приобретает роль главного регулятора общественного поведения. Он ставится в государственном механизме на свое должное место. Диктатура пролетариата не признает никаких законов, т. е. законов, враждебных целям этой диктатуры, но вместе с этим восставший и победивший класс создает свои законы, причем эти законы, одухотворенные революционным насилием, которое пролетариат должен применять в чрезвычайной обстановке гражданской войны, подавляя сопротивление враждебного класса, играют подчиненную политике роль.

Эпоха первого периода не есть эпоха полнейшего беззакония, как неоднократно утверждали наши враги, но эпоха своего рода борьбы старого права с новым,—советским правом, борьбы за окончательное завоевание последних позиций и вместе с этим борьбы закона за осуществление основной задачи этого периода—утверждения власти рабочих